Последний резерв нашей надежды

Каждый год стариков-ветеранов становится на 200 тысяч меньше

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО лет умрет последний солдат Победы и мы будем знать о великой и страшной войне только по книгам, старым фильмам и фотографиям.

Но сегодня, готовясь к юбилею, мы печатаем шаг, вспоминаем песни про «вставай, страна огромная», про «синенький скромный платочек».

Скоро все: и прошедшие через окопы, и стоявшие у станка в глубоком тылу, и родившиеся в голодные послевоенные годы, и дети сталинских пятилеток, хрущевской оттепели, горбачевской перестройки, ельцинского лихолетья – нальем себе кто по 100, кто по 200 граммов и скажем: «За Победу!» Помянем, прослезимся и, может быть, даже споем.

Хорошо бы в этот день забыть (или сделать вид, что забыли) о том, что некогда единая страна и единый победивший народ сегодня разделены на множество несоприкасающихся частей. На приватизировавших страну олигархов и на побежденный ограбленный народ. На ухватистых чиновников, живущих по бюрократическим правилам, и тех, кто месяцами ходит по собесам и мается в очереди по другую сторону «социального окна». На золотую молодежь и беспризорников. На министров с мигалками и запуганных пешеходов. На лоснящихся от самодовольства депутатов и на обманутых ими избирателей...

Но в этот день, 9 Мая, давайте скажем себе (пусть даже и после «поллитры»), что мы единый народ и Отечество наше – Россия. И принадлежит она все-таки нам. И пока жива Россия, мы в России – свои. И отступать нам некуда. Они, другие, взявшиеся невесть откуда, сбегут, сжимая в кулачках свои осыпанные бриллиантами яйца, а мы останемся. У них есть свой новый дом по имени «Челси», а наш – с покосившейся крышей – уже 1000 лет называется Россией. И нам, остающимся у себя в стране, пора подумать о том, с чем мы в грядущие после Победы годы будем жить. Чего хотеть, во что верить, что говорить подрастающим внукам?

Ведь сегодня все, что дала нам Победа: великую страну, народную армию, гордый народ, большие надежды, индустриальную мощь, сильную культуру и науку, национальное здоровье – истлело, расползлось по пограничным швам. А то, что осталось, продолжают «пилить», растаскивать по офшорам, по чужим банкам, по далеким швейцариям.

Победа – последний резерв нашей надежды, совести, памяти, терпения. Последнее пристанище веры.

Похоже, что даже власть, научившаяся абстрагироваться от народной жизни и пребывающая больше на лондонских форумах, чем в Москве, осознает, что дальше так нельзя, дальше – пустота. И власть затревожилась. Похоже, поняла, что на одном стабилизационном фонде, на нефтяной трубе, на рейтингах партий и вождей Россию не возродить.

Проведенные незадолго до празднования Дня Победы социологические исследования фиксируют тяжелую разруху в сердцах

На чем же? Похоже, этого не знает никто. И даже если кто-то и найдет заветное слово, то кто ему поверит? За последние десятилетия иссушены все источники веры. Слишком много мы слышали обещаний. И ни одно из них не сбылось.

Министры говорят, что продуктовая корзина стала сытнее. Побогаче стал «прикид». Чаще ходят трамваи. Реже убивают на улицах. Может быть, так оно и есть. А радости нет. Проведенные незадолго до празднования Дня Победы социологические исследования фиксируют тяжелую разруху в сердцах. 39 процентов населения испытывают стыд за состояние страны. 25 процентов говорят, что им нечем гордиться.

Интересно то, что никто не хочет назад, в «советскую власть». Но при этом все имена, события, песни, которые мы с гордостью вспоминаем и поем до сих пор, оттуда. Новых имен нет. Да и откуда им взяться? Большие имена рождаются от больших свершений, от впечатляющих идей. А их нет. Партии, за которые мы голосовали в надежде, что они «окормят» народ новой верой, сыто похрюкивают в бюрократическом стойле.

«Не к чему душу прислонить» – написала нам Валентина Смолина из Перми. И то, что смерть и похороны в общем-то далекого и чужого для православной России Иоанна Павла II так затронули нас, – это ведь тоже свидетельство нашей тоски по отзывчивому сердцу, по нравственной опоре. Вот после Иоанна Павла не осталось ни особняков, ни счетов, ни бриллиантов. А провожали его миллионы людей. Потому что от него осталось то, что человек ценит превыше всего, – вера в высокое предназначение человека. Нет, не хлебом единым сыт человек.

В 2007 и 2008 годах, когда в стране будут выборы (вначале парламентские, потом президентские), к урнам для голосования придут многие из тех, кто уже не помнит ни о войне, ни о Победе. Даже в момент распада СССР им был всего год. Их былым величием не прельстишь.

Сегодня самая большая опасность для России (в том числе и для власти) даже не в том, что народ беден и обижен. А то, что нация не чувствует, куда ее ведут. И когда же закончится «переход через пустыню»?

Сегодня мы почти уже поняли, кто виноват. Но стране нужен тот, кто скажет, что делать, куда идти.

Ожидание слишком затянулось…

Вячеслав КОСТИКОВ.
«Аргументы и факты».

ЯЗЫКОМ ЦИФР

За что сражались советские люди в годы войны?

(Возможно несколько вариантов ответа, %)

- 88,0 – за Родину
- 63,5 – за родных и близких
- 14,4 – за советский строй
- 13.1 – за коммунистические идеалы
- 3,7 – за другое
- 1,5 – затруднились ответить

По данным социологического центра Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Чту Радуницу Божью

ТРАДИЦИИ

На девятый день от Пасхи – родительский день – Радуница. Ныне она приходится на 10 мая. Как сообщают различные словари и справочники, первоначально радуницами звались божества, олицетворяющие почитание усопших, хранительниц душ умерших людей. Наши предки приносили жертвы радуницам из обильных пиршеств и возлияний на погребальных курганах, чтобы еще не отлетевшие души покойных могли насладиться зрелищем того уважения, которые ей оказывали живые. С течением времени Радуница стала днем весеннего поминовения усопших: живые старались задобрить покойников в пору расцвета природы, окончательного отступления зимы.

Немногие ныне расскажут, откуда взялась Радуница. Но все знают, что в родительский день следует поклониться памяти усопших. И потому с раннего утра во вторник потянется народ на родные погосты. Далеко не у всех в сумках будут пасхальные яства, чтобы соблюсти обычай празднования Пасхи. Но практически у всех с собой заветная бутылочка, чтобы помянуть навсегда ушедших. Будут задушевные разговоры «за жизнь», в них непременно вспомнят лежащих в кладбищенской тиши родственников и близких людей. Наверное, так и положено людям вести себя в Радуницу. И церковь утверждает, что «христиане не должны углубляться в переживания по поводу смерти близких, а, наоборот, радоваться их рождению в другую жизнь – жизнь вечную. Победа над смертью, одержанная смертью и воскресением Христа, вытесняет печаль о временной разлуке с родными. Поэтому мы с верой, надеждой и пасхальной уверенностью стоим у гроба усопших…»

Потом родственники, как правило, идут к другому обнесенному оградкой участку. Там опять-таки содержимое сумок – на столы, питейные чашки наполняют спиртным. Светлая память. Им – царствие небесное, нам – доброго здоровья… Позже уже и не вспоминают об усопших. Пьют горькую. На потребу души.

Какова русская душа, таковы и отечественные погосты. В ожеговском словаре русского языка погост – сельское кладбище. Бедное, унылое, с покосившейся на краю кладбища церквушкой. И у нас все захоронения даже на основных городских кладбищах бедные и унылые, благоустроенные кое-как за счет родственников могилы с разнокалиберными памятниками и оградками. Богатых захоронений мало. Они, как правило, обособлены и круглогодично обихожены либо предприятиями, либо нанятыми людьми.

По нашему отношению к погостам можно понять, как мы относимся друг к другу. После похорон, как правило, родственники усопшего стараются поскорее оградить выкупленную территорию, причем отхватить больший кус, не заботясь, как будут проходить люди на соседние участки. И обустраивают могилки по-разному. Кто-то везет стройматериалы и благоустраивает территорию сам, кто-то для поправки покосившихся памятников ворует кирпичи у соседей. Готовясь к родительскому дню, некоторые пускают пал по не прибранным еще могилкам, нанося вред соседским кустам, памятникам и оградкам. На наших кладбищах кучами лежит мусор. В почете вандализм, выламывают оставшуюся цветнину, нержавейку, ныне не брезгуют и черным металлом.

А ведь можно относиться к предкам и по-другому: обустроить кладбища, превратить их в парки. К примеру, в Лондоне даже туристы с удовольствием гуляют по лондонским кладбищам, любуются творениями садово-парковых архитекторов викторианской эпохи, достойных помещения в музеи. Пасторальная атмосфера английского кладбища, как образно выразился один из русских посетителей, надолго успокоит душу, издерганную большим городом. На наших же кладбищах душа находит успокоение разве что в разговорах во время выпивки. Нет стен, а, значит, и лишних ушей. По нынешним меркам, «закусочка на бугорке» – большая роскошь: за вольнодумство сейчас не преследуют. Значит, поговорить по душам с приятелем можно и на кухне. Перебрал – сразу на боковую. А с кладбища пока доберешься – все ноги обобьешь. Если могилка близ центральной дороги, то еще можно пройти, не спотыкаясь, а если на периферии, то поневоле вспомнишь все крепкие выражения, которые узнал за свою жизнь…

Такова действительность. В ближайшее время менять ее никто не собирается.

Геннадий ПОГОРЕЛЬЦЕВ.

Не вернулись...

ПАМЯТЬ

На территории горно-обогатительного производства открыт мемориал Славы воинам-горнякам.

Двести восемьдесят шесть фамилий работников горно-обогатительного производства, ушедших в далеком сорок первом на фронт и не вернувшихся с войны, запечатлены на композиции, выполненной в виде приспущенных стягов.

В торжественной церемонии открытия мемориала Славы приняли участие начальник ГОПа Анатолий Гамей, председатель профсоюзного комитета ОАО «ММК» Владимир Близнюк, ветераны войны и труда.

С началом войны тысячи металлургов ушли на фронт. Заменившие их у печей и прокатных станов труженики тыла самоотверженным трудом приближали День Победы. Поэтому наряду с ветеранами войны чествуют и бойцов трудового фронта, о которых ветеран горно-обогатительного производства Николай Коваленко сказал стихами: «Мы на войне в окопах не бывали, мы у горы Магнитной наступали. Кипела сталь, и годы шли и дни. И каждый третий был снаряд, и каждый танк второй из нашей был брони».

Дмитрий ЧЕРНОВ.